

М. Н. Климова*Научная библиотека Томского государственного университета***КНИГА ИОНЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ**

Две тысячи лет ветхозаветная Книга Ионы является частью мирового литературного процесса. Статья посвящена художественным стратегиям этого библейского фрагмента, получившим развитие в творчестве писателей последующих веков. Текст Книги состоит из двух частей – сказочной «морской» и условно исторической «ниневийской». Это позволяет увидеть в нем контаминацию двух самостоятельных сюжетов с общим героем. Стратегически значимой особенностью памятника в первую очередь является его необычная смысловая емкость. Этот лаконичный текст богат игрой слов и выражений, насыщен многозначными деталями, поступки персонажей Книги загадочны и допускают разные объяснения. Финал ее открыт, и о дальнейшей судьбе пророка Ионы остается строить догадки. Особенностью памятника является и странная для пророческой книги неоднозначность заглавного героя. К тому же при истолковании его образа допустимы три степени обобщения: пророк Иона – и конкретная личность, и олицетворение некоторых черт Избранного Народа, и «человек вообще». Наивная оболочка «старой сказки о пророке и ките» наполнена глубоким смыслом за счет переосмысления ее автором некоторых архаичных сюжетов (например, сюжета о путешествии в царство смерти). Глубокий след оставили в мировой культуре «морская» часть Книги – один из первых опытов литературной маринистики, и ее основные герои – поэт-пророк и морское чудовище Рыба-Кит. Намечены генеалогия и эволюция восприятия этого загадочного существа, более понятного для мифолога, чем для натуралиста. По мере развития нашего экологического сознания возрастает значение еще одной темы Книги – любви Создателя к каждому из Его творений. Перечисленные стратегии определили многоуровневое влияние этого памятника на разные явления литературного процесса – от средневековой агиографии и литургической поэзии до современного «метаромана», от новеллы-притчи и лирического стихотворения до детской сказки и юморески. Наблюдения автора иллюстрированы примерами из всемирной литературы. Из русских писателей в этой связи упомянуты А. С. Пушкин, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, И. А. Бунин, К. И. Чуковский, Саша Черный, М. Успенский, А. Ким и другие авторы.

Ключевые слова: всемирная литература, русская литература, библейские мотивы и образы, мифологические сюжеты, христианство и литература, интертекстуальные отношения.

Книга пророка Ионы – одна из самых кратких в библейском корпусе, но внимательное чтение выявляет необычную глубину ее содержания. Вызванный ею

Климова Маргарита Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая сектором Научной библиотеки Томского государственного университета (пр. Ленина, 34-а, Томск, 634050, Россия, klimov.1955@inbox.ru)

художественный резонанс длится, преодолевая границы народов и религий, уже две тысячи лет, и ныне область ее культурного воздействия простирается от Америки до Японии. В данной статье предпринята попытка выявления художественных стратегий, заложенных в тексте Книги Ионы и развитых писателями последующих веков, ибо, помимо ее пересказов для детей и взрослых, влияние ее сюжета и идей, мотивов и образов обнаружено в ряде литературных явлений широкого жанрового и временного диапазона. Сакральная для трех авраамических религий, Книга Ионы в то же время художественно совершенна, что оправдывает применение к ней методов литературного анализа¹. «Маленьким шедевром древнееврейской прозы» назвал ее С. С. Аверинцев [1983, с. 297], и даже в советское время она была включена в один из томов «Библиотеки всемирной литературы» [Книга Ионы, 1973].

Входящая в число двенадцати книг «малых пророков», Книга Ионы резко отличается от других произведений этой группы. Ветхозаветные пророческие книги – пламенные, но бессюжетные поэтические тексты, полные грозных или утопических видений о судьбе Избранного Народа, его врагов и человечества в целом, Книга же Ионы – краткий преимущественно прозаический фрагмент с четко выраженным сюжетом, и содержание ее – эпизод из жизни заглавного героя, а не изложение его пророчеств. О жанре Книги нет единого мнения, и мы условно назовем ее «новеллой-притчей»². Библейские пророческие книги традиционно приписаны реальным лицам древнееврейской истории, которым, весьма вероятно, и принадлежат. Пророк с момента призвания его Богом всем своим моральным обликом противостоит миру язычников и вероотступников, и одинокий голос его – прежде всего «голос нравственного сознания» [Аверинцев, 1983, с. 295]. Иначе в Книге Ионы. Хотя ее заглавный персонаж упомянут в Четвертой книге Царств как один из пророков времени царя Иеровоама II (4 Цар: 14, 25), Иона в качестве героя одноименной книги этому званию мало соответствует и в ее тексте пророком не называется. Перед нами рассказ именно о *несбывшемся* пророчестве, что дополнительно выделяет его в ряду творений «малых пророков». Атрибуция и датировка Книги также вызывают споры. Сторонники буквального толкования библейских текстов, считая ее автором исторического Иону, относят ее появление ко второй половине VIII в. до н. э., что согласуется с данными библейской археологии [Мифы..., 1994, т. 1, с. 555], но вступает в противоречие с языковыми характеристиками памятника [Эйделькинд, 1998, с. 85–86] и некоторыми его деталями. Так, в Книге нет точных временных ориентиров ее действия, что необычно для библейских пророческих текстов, упомянутые в ней размеры и расстояния гиперболичны и замешаны на троичности, и всё повествование точно подернуто сказочной дымкой. К тому же автор Книги, назвавший «знойным» восточный ветер (Иона: 4, 8), вряд ли бывал в Месопотамии. Временная дистанция между событиями Книги Ионы и их описанием сближает ее с двумя другими ветхозаветными памятниками нарративного характера – Книгами Иова и Товита. Объединяют их также обращение к проблеме теодицеи и весьма сложные представления их авторов об отношениях человека с Богом. Именно высокий уровень религиозной рефлексии указывает на принадлежность этих памятников к поздней библейской традиции. Ряд ученых, в частности, считает, что Книга Ионы написа-

¹ В работе использован Синодальный перевод Библии и художественные переводы Книги Ионы с древнееврейского языка [Книга Ионы, 1973; 1997; Десницкий, 2005].

² Например, Книгу Ионы иногда считают образцом ветхозаветной притчи [Тамарченко, 1995, с. 38], однако представление о притчевом характере этого памятника было подвергнуто в дальнейшем аргументированной критике [Эйделькинд, 1998].

на после вавилонского пленения, но не позднее II в. до н. э., поскольку о ней знал Иисус, сын Сирахов [Аверинцев, 1983, с. 297]³.

Ее текст состоит из четырех кратких, но динамичных глав. Напомним их содержание. В *первой главе* Иона, посланный Богом с грозным пророчеством к жителям ассирийской столицы Ниневия, пытается бежать «от лица Господа» в противоположном направлении – в финикийский город Фарсис, но в пути его корабль попадает в бурю. Для определения ее виновника моряки бросают жребий, указывающий на Иону, крепко уснувшего в трюме с началом бури. Разбуженный спутниками, он признается в своей вине пред Богом и попросит бросить его в море, что после некоторых колебаний и было сделано. Буря тут же стихает, и корабельщики славят могущество «бога Ионы».

Не погиб в пучине и виновник бури, о дальнейшей судьбе которого повествует *вторая глава*. Его велением Бога проглотило морское чудовище⁴. Проведя в его чреве три дня и три ночи, незадачливый пророк обращается к Богу с покаянной молитвой. Описав свое положение как пребывание в Шеоле (древнееврейской преисподней), Иона и в этих условиях славит Бога, уповая на Его милость и обещает исполнить Его веление. По приказу Бога Рыба-Кит извергает Иону на сушу.

Третья глава посвящена исполнению обета и его результатам. Хотя пророчество Ионы жителям ассирийской столицы состоит из одной фразы: «Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена», они верят ему и приходят в ужас. Их царь издает указ о всеобщем покаянии и посте, в который вовлекается даже домашний скот. Увидев, что каждый из горожан «обратился от злого пути своего и от насилия рук своих», Бог отменяет предсказанную Ионой казнь.

Это решение огорчило пророка, *заключительная глава* Книги передает его разговор с Богом. В новом обращении к Нему Иона ропщет на непонятное ему милосердие Господа, горюет о своем ложном положении, которого он тщетно пытался избежать, и даже просит себе смерти. За пределами города он по-детски упрямо продолжает ожидать исполнения своего пророчества, и для его вразумления велением Бога в пустыне за ночь вырастает растение, давшее Ионе приют и прохладу⁵. Но едва герой этому обрадовался, червь подгрыз корни растения, и оно погибло. В ответ на новые сетования Ионы Господь говорит: «Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь пропало. Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить

³ Не противоречит этой датировке и остроумная гипотеза Я. Эйделькинда о том, что Книга Ионы являет собой «высокую пародию» на упрощенные представления об отношениях человека с Богом, бытовавшие в еврейском массовом сознании [Эйделькинд, 1998]. Появление первого образца античной пародии – поэмы «Батрахомиомахия» («Война мышей и лягушек») – принято относить к V или VI в. до н. э., развитие же этого литературного явления приходится на эпоху эллинизма, что практически синхронно созданию интересующего нас библейского памятника.

⁴ В оригинале оно названо «большой рыбой», в последующей традиции считается китом, мы же вслед за П. П. Ершовым и Г. Мелвиллом будем именовать это животное «Рыба-Кит».

⁵ В оригинале оно названо словом неизвестного значения, и толкования его разнятся. Обычно считается, что это был куст клещевины (Вульгата, Макарьевский перевод Библии) или росток «тыквы гигантской» (Септуагинта, перевод С. Апта). Э. Г. Юнц назвал растение «лздой», А. С. Десницкий избрал более неопределенное слово «деревце». В Синодальном переводе использовано нейтральное слово «растение», а в романе А. Кима «Остров Ионы» в пустыне вырастает трогательная камчатская березка.

правую руку от левой, и множество скота?» – Иона: 4, 10–11. Эти слова новеллу-притчу и завершают.

Отчетливое деление Книги Ионы на две части – сказочную «морскую» и условно историческую «ниневиюскую», выявляет в ней контаминацию двух самостоятельных сюжетов с общим героем. При этом первая часть Книги – единственный морской эпизод Ветхого Завета, находит соответствия в греческих мифах о встрече Диониса с пиратами [Грейвс, 1992, с. 75] и Арионе [Там же, с. 224–225]. Имена героев всех трех историй созвучны, в каждой участвуют крупные морские животные. Кроме того, в кульминационный момент мифа о Дионисе и пиратах на палубе их корабля стремительно вырастают виноградные лозы, что напоминает библейское чудо с растением [Мифы и легенды..., 2007, с. 295], Арион же, живший на острове Лесбос в VII в. до н. э., с дистанции нескольких столетий мог показаться современником исторического Ионы. Победа над чудовищным Китом входит в число подвигов еще одного героя греческой мифологии – Персея [Грейвс, 1992, с. 185–190]. В этом мифе для нас важна строгая определенность места его действия – морское побережье близ города Иоппия (Яффа), откуда начинаются и приключения пророка Ионы⁶. Вероятно, похождения героев греческих мифов и библейского пророка «перепутались» на стадии бытования устных преданий о нем, которая, по мнению ряда ученых, предшествовала их письменной фиксации [Эйделькинд, 1998, с. 83]. Но в единое целое в сюжетном отношении обе части Книги Ионы так и не слились, и показательно, что известное евангельское толкование «знамения Ионы» состоит из двух самостоятельных высказываний (Мф: 12, 40–41). В европейском сознании содержание «Иониного сюжета» нередко исчерпывается морским приключением пророка, на Востоке же этот эпизод иногда заменяет битва Ионы с сухопутным драконом – см. роман «Иона» (2003) израильского писателя А. Тарна.

Среди художественных стратегий, заложенных в Книге Ионы, следует в первую очередь назвать необычайную смысловую емкость этого лаконичного текста. Он богат игрой слов и выражений, отчасти теряемой при переводе⁷, насыщен многозначными деталями, позволяющими по-разному объяснять поступки персонажей, и без того нередко идущие в разрез со всей прежней традицией. Так, уже в зачине Книги немало догадок породило молчаливое бегство Ионы в ответ на привычное обращение Бога к своему избраннику⁸. Западное направление этого бегства, возможно, не просто выбрано героем «от противного», но и указывает на заведомую обреченность такого решения для самого беглеца. На западе архаическое сознание нередко помещало царство смерти, к которой подсознательно устремляется послушник Бога. Тяжкий сон Ионы во время бури и символизирует смерть отпавшей от Бога души, и подчеркивает инфантильность персонажа – привычным способом «прячутся в сон» от своих страхов маленькие дети. Такие примеры можно приводить долго, мы же ограничимся фрагментом заключительной реплики Бога. Кто эти сто двадцать тысяч ниневилян, «не умеющих отличить правую руку от левой», – неразумные младенцы (это увеличило бы население города почти до миллиона), морально неразвитая часть горожан или люди как таковые –

⁶ В современной Яффе Киту даже поставлен памятник.

⁷ Например, имя заглавного героя («Иона» – на иврите «голубь») сложно соотносится с его образом: намекая на его функцию вестника, оно контрастирует с его тяжелым характером.

⁸ Помимо объяснений самого Ионы, не хотевшего будто бы прослыть лжепророком, в качестве других причин назывались неприязнь Ионы к враждебному языческому народу, его вполне оправданный страх перед жестокостью ассирийцев, нежелание участвовать в спасении грешников от заслуженного ими наказания, психологическая неготовность к пророческому служению и некоторые иные причины.

с их свободой воли и первородным грехом? Автору статьи с учетом инфантильных черт заглавного героя и зримо явленного в Книге мудрого отцовского терпения его Создателя более импонирует последнее толкование⁹.

Волновал воображение и открытый финал Книги, изящно завершенной репликой Бога. Ответа Ионы мы не слышим, хотя обычно считается, что он был, наконец, вразумлен. За пределами текста оставлены также дальнейшая судьба героя и реакция на спасение Ниневии ее жителей и единоверцев Ионы, продолжения же предлагались разные. Позднейшие обработки «Ионины сюжета» расскажут и о мирном успении героя в земле отцов (Житие пророка Ионы в Четырех Минях Димитрия Ростовского), и о его вынужденном переселении в «страну Сур» из-за насмешек соплеменников (Епифаний Кипрский «О жизни и смерти пророков»), а мусульмане считают Иону (Юнуса) уроженцем спасенного им языческого города Нинова. Интересное решение предложил автор «метаромана» «Остров Ионы» (2001) А. Ким. По его версии, строптивый пророк Богу так и не внял и даже в гневе пожелал вернуться внутрь Кита, что и было исполнено. После смерти животного у берегов Камчатки Иона поселился у аборигенов, став прародителем Сынов Кита, но в старости бежал и оттуда на необитаемый остров в Беринговом море, ибо нрава своего он не изменил. (Остров Ионы на картах в этом месте действительно указан.)

«Амбивалентность» образа Ионы, проявившаяся в этих примерах, также задана библейским первоисточником. Уже в Ветхом Завете этот персонаж позиционирован одновременно как грешник и как праведник, ослушник Бога и Его избранник, пророк ложный и истинный; кроме того Иона несколько инфантилен и наделен незаурядным поэтическим даром. Все это позволяет по-разному моделировать его образ без существенного изменения связанного с ним сюжета. Прибавим в заключение темы, что при истолковании этого библейского персонажа равно допустимы три степени его обобщения: Иона – и конкретная личность с ее особой судьбой, и олицетворение «жестковейности» Избранного Народа, и, наконец, «человек вообще», подобный каждому из читателей.

История пророка Ионы наивно проста (ее как сказку можно рассказать даже малому ребенку) и одновременно столь сложна, что ни одна из почитающих ее религий не восприняла идеи автора в полном объеме [Эйделькинд, 1998; Климова, 2012а]. Отдельного замечания заслуживает и обращение автора Книги к глубинному, еще добиблейскому слою международной сюжетики. Так, ее основу составил древнейший сюжет мировой литературы – «путешествие в царство смерти», и происходит оно архаичным способом – героя проглатывает и выплевывает чудовище. Но эта сказочно-мифологическая схема служит здесь утверждению идеи всеисильности покаяния и милосердия Бога, которая через несколько столетий стала одним из краеугольных камней христианской этической доктрины. Не был утерян при этом и первоначальный смысл сюжета, ибо «знамение Ионы» устами Христа было объявлено ветхозаветным пророчеством о смерти и Воскресении Богочеловека (Мф: 12, 40). Эпизод спасения корабля во время бури реализует другой архаичный сюжет, хранящий историческую память о человеческих жертвоприношениях природным стихиям и знакомый русскому читателю по былинке о Садко [Thompson, 1964, p. 343]. Но и описание языческого обряда смело превращено автором в сцену прославления библейского Бога народами Земли.

«Корабельный» эпизод Книги – один из первых опытов маринистики в мировой литературе, и его прямое или опосредованное влияние мы замечаем в самых разных нарративных текстах, посвященных опасностям водных путешествий. Так,

⁹ Выявление «отцовских» черт библейского Бога в Книге Ионы представляются нам важным этапом на пути формирования Его триединого христианского образа.

своеобразным парафразом первой главы Книги Ионы представляется нам тот евангельский эпизод, в котором Иисус во время бури на «Тивериадском море» спит на дне лодки (Мф: 8, 23–27; Лк: 8, 22–24). К «корабельному» эпизоду восходит одна из устойчивых схем построения подобных рассказов, когда морское бедствие воспринимается как наказание за грехи одного из плывущих на корабле или всех его обитателей. Схема была активно востребована в литературе европейского романтизма («Поэма о Старом Мореходе» С. Т. Кольриджа, «Рассказ о корабле привидений» В. Гауфа, «Мельмот Скиталец» Ч. Р. Мэтьюрина и пр.). Не вполне утратила свое значение она даже в новейшей литературе – см. десятую главу романа М. Семеновой «Волкодав: Право на поединок» (1996). Указанная схема изначально допускала варьирование характера бедствия (помимо шторма, это может быть полный штиль, необъяснимая остановка судна или его упорное возвращение на определенное место) и исхода опасного приключения (гибель или спасение пассажиров корабля, разнیتя и судьба непосредственного виновника бедствия). Широта диапазона вариантов видна уже при сопоставлении двух ранних случаев ее использования древнерусской словесностью – истории варяга Шимона во вступительном слове Киево-Печерского патерика и рассказа о потоплении Марии-грешницы (Синайский патерик и Пролог).

Трехдневное пребывание Ионы в чреве Рыбы-Кита не только стало самым известным эпизодом Книги [Орлова, 2014], но и задало несколько стратегий ее дальнейших обработок. В первую очередь это коснулось его центрального сказочно-мифологического по своей природе конфликта, который автор Книги радикально переосмыслил. Герои мифов (например, Геракл [Грейвс, 1992, с. 394–395]) побеждали проглотившее их чудовище силой, находчивостью или хитростью¹⁰, Иона же возвращен на сушу велением Бога, внявшего его покаянию «из чрева преисподней». Покаянный псалом Ионы, как и другие лирические фрагменты Ветхого Завета, оказал влияние на христианские литургические тексты (так, византийский гимнограф Андрей Критский отвел ему роль первообраза шестой песни православных канонов). Этот знаменитый фрагмент не только разошелся на цитаты, но и прибавил к трактовкам пророка Ионы в мировой культуре образ вдохновенного поэта-певца, силой своего искусства избежавшего гибели в морской пучине. «Иона-поэт» стал одним из лирических героев мировой поэзии, порой сливаясь при этом в сознании потомков с Арионом. Это произошло, на наш взгляд, в известном стихотворении А. С. Пушкина (1827), поскольку его центральный эпизод, «буря на корабле» в греческом мифе об Арионе соответствий не имеет [Там же, с. 224–225].

Глубокий след оставило в мировой культуре и второе действующее лицо знаменитого эпизода – Рыба-Кит. Определить видовую принадлежность этого загадочного существа, столь же «амбивалентного», как и строптивый пророк Иона, сможет скорее мифолог, чем натуралист. Так, в Библии его ближайшими родичами оказываются не только рыба-людоед из Книги Товита, но и сам великий и ужасный Левиафан¹¹. Хотя последний внешне напоминает скорее рептилию, чем рыбу, и зоологическим прототипом его считается нильский крокодил, в последующей традиции Рыба-Кит и Левиафан почти сливаются, что наглядно показывают изображения чешуйчатых китов и дельфинов в европейском искусстве. Образ же Левиафана, неоднозначный уже в Ветхом Завете [Мифы..., 1994, т. 2,

¹⁰ Сходным образом действуют в этой ситуации герои сказочно-фантастических обработок сюжета в Новое время – барон Мюнхгаузен, Пиноккио, моряк из сказки Р. Киплинг «Почему у кита такая глотка».

¹¹ Участие в повествовании крупного водного животного – еще одна черта, объединяющая библейские рассказы об Ионе, Иове и Товите.

с. 43], получил с течением времени несколько дополнительных значений. Философ Т. Гоббс назвал именем этого библейского чудовища государство, и уже в наши дни к этому символу вернулся режиссер А. Звягинцев. Читатели времен промышленной революции, подметив «механические» подробности знаменитого описания Левиафана и Бегемота из Книги Иова, прочли его как тревожное пророчество о технических чудесах цивилизации, например, об исполинских кораблях будущего, а гибель «Титаника» окрасила эту догадку в апокалипсические тона. Напрямую об этом сказано в романе Б. Акунина «Левиафан» (1998), хотя библейские аллюзии при описании механизмов, например сравнение парохода с морским животным, появляются уже у авторов XIX в. [Чумаков, 2009, с. 191]. Поэтому о Книге Ионы нам напоминают и трехдневный, переходящий в смерть, сон чеховского Гусева, и описание смерти без воскресения господина из Сан-Франциско, мертвое тело которого в ящике из-под шампанского три дня везут в трюме случайного судна.

Есть у «Ионины сюжета» в литературе XIX–XX вв. и своеобразный «эпический извод», возвращающий читателя к его архаичной основе – мифу о битве человека с морским чудовищем. Интересно, что во всех трех известных нам случаях – романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851), повести Э. Хемингуэя «Старик и море» (1952) и одной из новелл романа В. Астафьева «Царь-Рыба» (1976), чудовищный противник человека явлен в своей «рыбьей» ипостаси. Символика «большой рыбы», ее смертельного поединка с человеком и возможного исхода их битвы в перечисленных текстах сильно варьируется, заслуживая специального сопоставительного анализа.

Но мифопоэтическое понимание образа Рыбы-Кита-Левиафана сосуществует в культуре XIX–XX вв. с иным подходом к библейским сюжетам – стремлением непременно согласовать их с данными современной науки. «Старая сказка о пророке и ките» оказалась в этой ситуации настоящим камнем преткновения. Доныне в популярных толкованиях Библии раздел, посвященный Книге Ионы, заполняют сведения об анатомии и физиологии кашалотов и китовых акул и легендарные рассказы о морях, проглоченных китом. Все это, по мнению авторов, должно придать правдоподобие знаменитому библейскому эпизоду [Александр (Милеант), 2005, с. 141–144]. Почему-то комментаторы забывают при этом, что случай с Ионой и китом в тексте Библии – это чудесное знамение, чудо же, согласованное с доводами разума, мгновенно утрачивает свою сверхъестественную природу. Не понимает это, к сожалению, даже умный протопоп Савелий Туберозов в «Соборьях» Н. С. Лескова, отчего замечание учителя Варнавы об узости китовой глотки кажется ему посягательством на самые основы христианства. «Спор Библии с зоологией» даже становится двигателем действия в некоторых литературных обработках «Ионины сюжета». Так, в сказке Р. Кипплинга людоедским наклонностям кита кладется предел с помощью специальной решетки, установленной в его глотке отважным моряком. У А. Кима Бог, повелев Серому Кита проглотить Иону, забыл особенности его анатомии, отчего кроткий гигант вынужден хранить своего «пассажира» под языком. Возвращение строптивого пророка в его «живую тюрьму» обрекает это животное, не способное причинить Ионе сознательный вред, на голодную смерть. О самопожертвовании набожного кита общает и мусульманская мифология.

Отметим, наконец, еще одну из стратегий этого удивительного библейского памятника¹² – плотную населенность его художественного пространства различ-

¹² В этой статье мы уделяем внимание лишь стратегически значимым особенностям Книги Ионы. Так, намеренно оставлена в стороне уже упомянутая гипотеза Я. Эйдель-

ными Божьими тварями. Равноправными участниками мистерии милосердия в Книге Ионы наряду с людьми различных народов и вер становятся и бессловесные живые существа, причем не только чудовище Рыба-Кит, но и ниневийские волы и овцы, слабое пустынное растение и даже червь. Все они отвечают на веления их Создателя сыновьим послушанием, и каждая из этих земных жизней дорога Его любящему отцовскому сердцу. Эта мысль выражена автором Книги в необычной гротескно-юмористической форме, и ее значение открывается нам постепенно, по мере развития нашего экологического сознания. Так, тема любви ко всему живому была близка автору «Библейских сказок» Саше Черному, став лейтмотивом и одной из них – «Праведника Ионы» (1922, 1925), причем этой любовью писатель щедро наделил даже ее заглавного героя, в оригинале нелюдиного и явно лишнего сердечных привязанностей. Показательна в этом плане и экологическая направленность романа В. Астафьева «Царь-Рыба».

К сожалению, смысловое богатство Книги пророка Ионы было надолго заслонено от читателей ее откровенно сказочным сюжетом, более пригодным для средневекового миракля, чем для реалистического повествования. Поэтому ее влияние на литературный процесс Нового времени в значительной мере осуществлялось путем введения аллюзий или реминисценций и скрытой или явной цитации. Так, среди произведений русской литературы XX в. прямую отсылку к этому библейскому сюжету содержит рассказ В. Конецкого «Кошкодав Сильвер» (1987), написанный от лица пациента психиатрической больницы, страдавшего чем-то вроде «синдрома Ионы», – несчастный был убежден, что находится в брюхе кашалота. Откровенно пародирует «морскую» часть Книги одна из сюжетных линий «провинциального детектива» Б. Акунина «Пелагия и черный монах» (2001) – история рясофорного капитана судна «Святой Василиск» и эпизод спасения этого корабля во время шторма. Особенно интересны в этом плане литературные произведения, в которых элементы Книги Ионы присутствуют в скрытом виде, а ее заглавный герой даже не упоминается. Приведем три таких примера из русской литературы. Так, в уже упомянутом рассказе А. П. Чехова «Гусев» (1890) чувственно переживаемое читателем описание трех смертей пациентов пароходного лазарета [Чумаков, 2009] «подсвечено» мотивами морского приключения библейского пророка (в частности, история солдата Гусева «закольцована» мотивом «большой рыбы»), отчего финал рассказа напоминает о христианской трактовке «знамения Ионы» как победы над смертью. Оригинальный сюжет маленькой новеллы-притчи И. А. Бунина «Третьи петухи» (1916) органично включил в себя многие мотивы Книги, прототипом же главного героя новеллы оказывается священномученик Фока Синопский, поминаемый в православии в тот же день, что и пророк Иона [Климова, 2012б, с. 97–99]. Наконец, в юмореске М. Успенского «Легенда Крыма» (1981) интересующий нас фрагмент недоступной для большинства советских читателей Библии иронически замаскирован под современное черноморское предание. В положении библейского пророка здесь оказывается молодой инженер, командированный в Крым с рекламациями на «среднее» качество продукции одного из местных заводов, но вместо того увлекшийся радостями южной жизни. За небрежение служебными обязанностями легкомысленный молодой человек был застигнут бурей на палубе прогулочного катера и, подобно Ионе, сброшен с корабля в бурное море, где и встретился с местной акулой катран. Впрочем, эта небольшая черноморская рыба смогла проглотить свою жертву лишь наполовину. Столь же половинчатой оказывается и развязка истории, герой которой, несмотря на раскаяние, спасения так и не обрел. Дольше рыба с человеческими руками

кинда о пародийной природе этого библейского фрагмента, ибо пародийность эта за две с лишним тысячи лет бытования памятника никем ранее не была замечена.

и головой в дни заседаний и планерок выкрикивает под окнами директорского кабинета обличительные слова рекламаций. По легенде, бедный инженер будет расколдован, если его слова услышит и примет к сведению руководство завода. Но заводская администрация в легенду не верит, хотя во время заседаний тщательно закрывает и занавешивает окна кабинета, несмотря на крымскую жару. Таким образом, пародия на библейский сюжет позволяет сатирику зримо выразить атмосферу времени позднего застоя с ее всеобщим безразличием и формальным отношением к труду и людям.

Скажем коротко и о других отражениях Книги Ионы в отечественной словесности. Ее «взрослые» пересказы на русском языке (романы А. Кима и А. Тарна) появляются лишь в начале нового тысячелетия, зато наша детская литература в XX в. обрабатывала ее, по меньшей мере, дважды. Помимо названного ранее «Праведника Ионы» Саши Черного, упомянем в этой связи рассказ «Пророк Иона», написанный В. Берестовым для многострадального сборника «Вавилонская башня и другие библейские предания» (1991). Замысел книги пересказов самых известных библейских сюжетов для детей младшего возраста подсказал К. И. Чуковскому М. Горький еще в 1916 г., но к его осуществлению классик детской литературы смог приступить лишь в конце своей долгой жизни, собрав с этой целью творческий коллектив детских писателей. Однако по злосчастному стечению обстоятельств [Вавилонская башня..., 1991, с. 154–157] уже изданная книга дошла к своим читателям только в годы перестройки. Заметим, что работа по составлению и редактированию злополучного сборника была не единственной встречей К. И. Чуковского с «Иониным сюжетом». Несколько поколений советских детей даже в годы воинствующего атеизма знакомились с сюжетом этой библейской истории благодаря сделанному им мастерскому переводу сказок Р. Кипплинга и его же детской адаптации «Приключений барона Мюнхгаузена» Р. Э. Распе. Своеобразной контаминацией библейских мотивов, в том числе и Книги Ионы, оказывается при внимательном рассмотрении и одна из авторских стихотворных сказок Чуковского – «Бармалей» (1925). Уже в XXI в. детские обработки Книги Ионы дополнила повесть О. Клюкиной «Пророк Иона: одинокий воин» (2008), адресованная школьникам, уже знакомым с историей древнего мира. Наконец, в русской поэзии образ этого библейского персонажа или отдельные мотивы его Книги использовали К. Д. Бальмонт, М. А. Кузмин, В. И. Нарбут, А. А. Ахматова, И. А. Бродский, О. Чухонцев, Б. Херсонский, И. Лисянская, Д. Лившиц, Н. Горбаневская, С. Стратановский и другие поэты.

Таким образом, многоуровневое влияние текста «старой сказки о пророке и ките» не только обнаруживается в самых разных явлениях новой и новейшей литературы, но и сулит исследователям, владеющим «библейским кодом», немало открытий.

Список литературы

Аверинцев С. С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1. С. 273–302.

Александр (Милеант), епископ Буэнос-Айресский и Южноамериканский. Ключ к Библии: История создания, краткое содержание, толкование Св. Писания. М., 2005.

Вавилонская башня и другие библейские предания / Под общ. ред. К. И. Чуковского. М., 1991.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992.

Десницкий А. С. Книга пророка Ионы: Пер. с древнееврейского // Альфа и Омега. СПб., 2005. Вып. 1 (24). С. 49–60.

Климова М. Н. К вопросу о восприятии библейской Книги Ионы // Власть, общество и человек в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2012а. С. 3–16.

Климова М. Н. Петух апостола Петра (о некоторых отражениях евангельского мотива в русской литературе) // Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2012б. С. 88–100.

Книга Ионы / Пер. С. Апта // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 554–557.

Книга Ионы / Пер. Э. Г. Юнца // Мир Библии. М., 1997. Вып. 4. С. 64–66.

Мифы и легенды народов мира: Библейские истории / А. И. Немировский, А. П. Скогорева. М., 2007.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1994.

Орлова Н. М. Библейский текст как генератор прецедентности: Книга пророка Ионы // Вестн. Саратов. гос. ун-та. Филология. Журналистика. 2014. Т. 124, № 3. С. 5–9.

Тамарченко Н. Д. Генезис форм субъективного повествования в эпическом сюжете (Книга пророка Ионы) // Изв. АН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54, № 5. С. 37–49.

Чумаков Ю. Н. Акула и Гусев (финал чеховского рассказа) // Поэтика финала. Новосибирск, 2009. С. 191–194.

Эйделькинд Я. К интерпретации Книги Ионы // Библия: литературные и лингвистические исследования. М., 1998. Вып. 1. С. 81–112.

Thompson S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen" (FFC № 3) translated and enlarged. Helsinki, 1964. [Vol.] 3.

M. N. Klimova

Research Library, Tomsk State University

THE BOOK OF JONAH IN A LITERARY PROCESS: ARTISTIC STRATEGIES

For two millennia, the Old Testament Book of Jonah is a part of the world literary process. The article is devoted to an identification of artistic strategies of this biblical fragment that has grown in works of writers of following centuries. The text of the Book consists of two parts – a fabulous «sea» part and a conditionally historical «Nineveh» part. This allows us to see in it blending of two independent plots with a common hero. The strategically significant feature of this literary monument is its unusual semantic capacity. This concise text is rich in wordplay, it full of ambiguous details, characters' actions in the book are mysterious and may allow for different interpretations. The Book is open-ended, because of that we can only make various conjectures about the further fate of the prophet Jonah. A one more peculiarity of the literary monument is an ambiguity of the title character, which is strange for the prophetic book. In addition, three degrees of generalization are permissible in interpreting of his image: prophet Jonah as concrete personality, prophet Jonah as personification of certain traits of the Peculiar People, and as «man in general». The naive shell of the «old tale of the Prophet and the whale» is filled with profound meaning by means of author's rethinking of some archaic plots (for example, a story about a journey to the Realm of Death). The «sea» part of the Book left a deep trace in the world culture – one of the first experiences of marine literature, and its main characters – the poet-prophet and the Monster-Marvel Whale. The genealogy and evolution of perception of this mysterious being are outlined, and are more apprehensible for the mythologist, than for the naturalist. As our ecological consciousness develops, the importance of another theme of the Book increases – Creator's love for His creations. Mentioned strategies have defined the multi-level impact of this literary monument on various literary phenomena – from monuments of medieval hagiography and liturgical

poetry to modern «meta-roman», from novella-parable and lyric poem to children's fairy tale and humoresque. Author's observations are illustrated with literary examples. From the Russian writers in that regard are mentioned A. S. Pushkin, N. S. Leskov, A. P. Chekhov, I. A. Bunin, K. I. Chukovsky, Sasha Chorny, M. Uspensky, A. Kim, and other authors.

Keywords: world literature, Russian literature, biblical motifs and images, mythological plots, Christianity and literature, intertextual relationship.

References

Aleksandr (Mileant), episkop Buenos-Ayresskiyi Yuzhnoamerikanskiy. *Klyuch k Biblii: Istoriyasozdaniya, kratkoesoderzhanie, tolkovanie Sv[yashchennogo] Pisaniya* [The key to the Bible: History of creation, summary, interpretation of Holy Scripture]. Moscow, 2005.

Averintsev S. S. *Drevneevreyskaya literatura* [Hebrew literature]. In: *Istoriya vseмирnoy literatury* [History of world literature]. Moscow, 1983, vol. 1, pp. 273–302.

Chumakov Yu. N. Akula i Gusev (final chekhovskogo rasskaza) [Shark and Gusev (finale of the Chekhov story)]. In: *Poetika finala* [Poetics of a finale]. Novosibirsk, 2009, pp. 191–194.

Desnitskiy A. S. *Kniga proroka Iony: per. s drevneevreyskogo* [The Book of the Prophet Jonah : translation from Hebrew]. Alpha and Omega, 2005, iss. 1 (24), pp. 49–60.

Eydel'kind Ya. K interpretatsii Knigi Iony [To the interpretation of the Book of Jonah]. *Bibliya: literaturnye i lingvisticheskie issledovaniya (Vyp. 1)* [The Bible: literary and linguistic research (Iss. 1)]. Moscow, 1998, pp. 81–112.

Greys R. *Mify Drevney Gretsii* [Myths of Ancient Greece]. Moscow, 1992.

Iona [Jonah]. In: *Mify narodov mira: entsiklopediya : v 2 t. (T. 1)* [Myths of the World : encyclopedia : in 2 vols. (Vol. 1)]. Moscow, 1994, p. 555.

Klimova M. N. K voprosu o vospriyatii bibleyskoy Knigi Iony [On the question of the perception of the biblical Book of Jonah]. In: *Vlast', obshchestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv.* [Power, society and man in historical and literary monuments of the XVI–XX centuries]. Novosibirsk, 2012, pp. 3–16.

Klimova M. N. Petukh apostola Petra (o nekotorykh otrazheniyakh evangel'skogo motiva v russkoy literature) [The Rooster of the Apostle Peter (about some reflections of the evangelical motive in Russian literature)]. In: *Liricheskie i epicheskie syuzhety i motivy v russkoy literature. Sb. nauch.tr.* [Lyrical and epic stories and motives in Russian literature. Collection of scientific papers]. Novosibirsk, 2012, pp. 88–100.

Kniga Iony / Per. E. G. Yuntsa [The Book of Jonah / trl. E. G. Yunts]. In: *Mir Biblii* [The World of the Bible], 1997, iss. 4, pp. 64–66.

Kniga Iony / per. S. Apta [The Book of Jonah / trl. S. Apt]. In: *Poeziya i proza DrevnegoVostoka* [Poetry and prose of the Ancient East]. Moscow, 1973, pp. 554–557.

Leviafan [Leviathan]. In: *Mify narodov mira : entsiklopediya : v 2 t. (T. 2)* [Myths of the World : encyclopedia : in 2 vols. (Vol. 2)]. Moscow, 1994, p. 43.

Nemirovskiy A. I., Skogorev A. P. *Mify i legendy narodov mira: Bibleyskie istorii* [Myths and legends of the peoples of the world: Biblical stories]. Moscow, 2007.

Orlova N. M. Bibleyskiy tekst kak generator pretsedentnosti: Kniga proroka Iony [Biblical text as a precedent generator: The Book of the Prophet Jonah]. *Vestn. Saratovskogo gos. un-ta. Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Saratov State University. Philology. Journalism], 2014, vol. 124, no. 3, pp. 5–9.

Tamarchenko N. D. Genezis form sub"ektivnogo povestvovaniya v epicheskom syuzhete (Kniga proroka Iony) [Genesis of forms of subjective narrative in the epic story (The Book of the Prophet Jonah)]. *Izv. AN. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series]. 1995, vol. 54, no. 5, pp. 37–49.

Thompson S. *The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen" (FFC № 3) translated and enlarged.* Helsinki, 1964. [Vol.] 3.

Vavilonskaya bashnya i drugie bibleyskie predaniya [The Tower of Babel and other biblical traditions] / pod obshch. red. K. I. Chukovskogo. Moscow, 1991.

Klimova Margarita N. – Candidate of Philology, Research Library, Tomsk State University (34a Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation, klimov.1955@inbox.ru)